

Октября 21 (3 ноября)

Священномученик
Николай (Раевский)

Кто-то в те годы уже и побаивался служить Богу и Церкви Христовой и уходил из храма на светские должности, стараясь скрыть свое церковное прошлое; другие, понимая, что времени остается немного, спешили навстречу мученическому венцу. Таким был священник Николай Раевский.

Священномученик Николай родился 2 марта 1885 года в городе Ржеве Тверской губернии. Отец его, Василий Саввич Раевский, служил псаломщиком в одном из ржевских храмов. В 1892 году умерла мать Николая, Александра Васильевна, и в 1897 году отец с детьми переехал в село Березниково Тверского уезда, где устроился в храм псаломщиком; но недолго ему пришлось здесь прослужить, в марте 1899 года он умер.

В 1892 году Николай поступил в начальную школу, после окончания которой год учился в городском училище, а затем перешел в духовное городское училище, которое окончил в 1899 году, и был направлен служить псаломщиком в село Березниково на место почившего отца. В 1906 году он был переведен в храм села Тургинова Тверского уезда, где прослужил немногим более полугода, и в ноябре того же года был призван в армию. Военную службу он проходил в Варшаве в 182-м пехотном резервном полку¹.

По окончании срока военной службы в 1910 году Николай Васильевич вернулся на родину во Ржев и поступил псаломщиком в Покровскую церковь. Через год он переехал в город Старицу, где был экономом духовного училища. В 1913 году в его жизни произошла существенная перемена – он был рукоположен в сан диакона. Через два года церковное начальство определило его в храм села Осульского Ржевского уезда, где он прослужил диаконом пятнадцать лет – до 1930 года.

Это было время, когда, точно в калейдоскопе, прошло множество событий – конец монархии, революция, гражданская война, гонения, изъятие церковных ценностей, коллективизация, а с нею снова аресты священников. Казалось, переворачивалась не страница истории, а сама Россия. Но, несмотря на гонения и убийства, и в первую очередь священников и крестьян, диакону Николаю не приходило в голову оставить церковное служение, и 20 января 1930 года он был рукоположен в сан священника ко храму села Кокоша Ржевского района. Однако гонение нарастало, храмы под тем или иным предлогом закрывались, захватывались с помощью властей обновленцами, которые затем передавали их властям для закрытия.

В 1936 году о. Николай был переведен в храм села Баранья Гора, который власти также пытались закрыть. На всякий случай священник стал присматривать место, куда бы он мог перейти служить. В августе 1937 года прихожане села Борзыни написали ему, что хотели бы пригласить его служить к себе в храм. Отец Николай посетил село, послужил здесь, после чего, давая свое согласие, написал прихожанам: "Возвратившись из села Борзыни и обдумав все, что я там слышал, заключаю, что народ церковью дорожит, церковь любит и рад бы принести пользу, и не откажется хлопотать и жертвовать... Я очень опасаюсь, что Борзынский приход захватят обновленцы, а это равносильно закрытию храма".

9 октября о. Николай написал прошение архиепископу Тверскому о переводе в храм села Борзыни. Но уже действовал государственный указ об аресте духовенства и верующих и всех людей, вызывающих у советской власти подозрение сочувствием дореволюционной России. 8 октября исполняющий обязанности начальника Борзынского отделения НКВД писал начальнику Каменского районного отделения НКВД: "Сообщаю, что 8 октября 1937 года в религиозный праздник Сергиев день в село Борзыни явился незнакомый священник, который остановился у монашки, принимал участие в богослужении, после чего собирал верующих, по каким вопросам, нами не установлено. При проверке личности нами установлено, что этот человек является священником Бараньегорской церкви Каменского района, Раевским Николаем Васильевичем. Несмотря на то, что в селе Баранья Гора служит священником восемь месяцев, по паспорту не прописан. В беседе с членами ВКП(б) Малолетковым и Сениным, которые зашли на квартиру монашки под предлогом снять временно квартиру на жительство, Раевский сказал им: "Если бы не советская власть, вы были бы лучшими монахами и принесли бы большую пользу". Сообщаю для проверки личности Раевского и принятия мер"².

На следующий же день о. Николай был арестован и заключен в Осташковскую тюрьму, а через день допрошен.

– Кого вы имеете из родственников за границей и чем они занимаются?

– Из родственников за границей у меня никого не было и нет.

– Кого и где вы имеете из родственников в СССР, чем они занимаются и какая у вас с ними связь?

– Из родственников, проживающих в СССР, имею сыновей. Связи у меня с ними родственные, во время отпусков приезжают ко мне, имею с ними письменную связь. Имею родного брата Леонида Васильевича Раевского, служил священником с 1921 года по 1932 год в селе Дарьино Луковинского района Калининской области. В 1932 году он был осужден на пять лет, за что, сказать не могу. Наказание отбыл, в данное время находится в Восточной Сибири, адреса не помню. До ареста его я с ним имел родственную связь, а когда он был в заключении, он мне писал письма и я ему. Имею двоюродную сестру, проживает со мной с 1922 года в качестве домохозяйки.

– В какой контрреволюционной организации или группировке состояли и состоите в данное время и какую контрреволюционную деятельность проводили?

– В контрреволюционной организации или группе я не состоял и не состою.

– Скажите, какая контрреволюционная агитация, среди кого, где и с какой целью вами проводилась?

– В 1930 году, будучи в сане священника, я служил в селе Кокоша Ржевского района и призывал посещать богослужения, одновременно давая наставления верующим, как нужно вести борьбу за то, чтобы не закрыли храм и продолжалась в нем служба. По приезде в село Баранья Гора в феврале 1937 года я также активно призывал колхозников прихода посещать церковь. 1 сентября 1937 года в религиозный праздник меня пригласила жительница деревни Кашуево послужить у нее, что я и сделал. После службы она пригласила меня остаться выпить чаю, на что я дал согласие, и между нами был разговор, и я говорил, что нет никакой пользы в колхозе работать, все равно государство весь хлеб отберет, а колхозники как были без хлеба, так и останутся. Во время разговора никого в доме не было, а после разговора я сказал хозяйке, чтобы она обошла дома верующих и сказала им, чтобы они не шли на полевые работы в праздник, а

чтобы шли в церковь. В это время пришли к ней под окно трое жителей и просили меня отслужить молебны у них в домах, я им ответил, что служить я сейчас не могу, не имею права, и одновременно дал указание, как нужно им получить от советских органов разрешение на право службы по домам. В 1937 году в августе месяце граждане из деревни Вязьмицы, фамилии их не знаю, пригласили меня приехать в село Борзыни на 7 октября с целью ознакомиться с приходом и местоположением, а затем, если понравится, остаться служить у них в приходе, на что я дал согласие ознакомиться с местом и людьми. И пришел к заключению, что жители готовы активно посещать богослужения в Борзынском приходе, но было уже поздно, так как место было занято другим священником. Это несмотря на то, что я давал советы верующим села Борзыни, что нужно делать, чтобы меня перевели к ним и чтобы церковь не оставалась в руках обновленцев.

– Признаете ли вы себя виновным в проводимой вами контрреволюционной агитации среди граждан села Баранья Гора и вашего прихода?

– Я признаю себя виновным лишь в том, что я в своей душе обижался на советские органы за то, что меня облагали большими налогами, чего не было раньше, в царское время, но свое недовольство я никому не высказывал и в контрреволюционной агитации среди граждан Бараньегогорского прихода виновным себя не признаю³.

В тот же день следователь стал допрашивать жителей – кто бы согласился дать обвинительные показания. Была вызвана счетовод сельпо, она показала: "Раевский, зайдя к гражданке Муравьевой, говорил, что нет никакой пользы в колхозе работать, все равно весь хлеб отберет государство, а колхозникам ничего не останется, говорил, чтобы Муравьева прошла по домам церковников-колхозников и сказала, чтобы они пошли лучше в церковь. За это член сельсовета составила на священника акт и передала в райком, который постановил оштрафовать о. Николая на сто рублей"⁴.

На основании подобных "свидетельств" 26 октября было составлено обвинительное заключение и решено направить "дело" на рассмотрение Тройки. 1 ноября Тройка НКВД постановила расстрелять о. Николая. Священник Николай Раевский был расстрелян 3 ноября 1937 года⁵.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3»
Тверь. 2001. С. 310-313

Примечания

¹ Архив УФСБ РФ Тверской обл. Арх. № 20402-С. Л. 3-5.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 5-8.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 20-21.